

УДК 94(100)"/05"

НОВЫЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О ПРОИСХОЖДЕНИИ, РАННЕЙ ИСТОРИИ И МИГРАЦИЯХ ПРОТО-ИНДООЕВРОПЕЙЦЕВ

Н.П. ПИСАРЕВСКИЙ

*Воронежский государственный
университет*

e-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Разработка проблемы происхождения и распада племён индоевропейской общности – актуальнейшей и наиболее дискуссионной в науке – в связи с публикацией труда американского археолога Д.В. Энтони вышла на качественно новый уровень исследования.

Ключевые слова: индоевропейцы, археология, культура, общность.

Antony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. – Princeton, 2010. – 568 p.

Разработка проблем прародины, ранней истории и миграции племён индоевропейской общности (ИЕ) – одна из актуальнейших и дискуссионных проблем археологической науки и лингвистики – в последние годы вышла на качественно новый уровень своей разработки. Ценность моноцентрических концепций лингво- и этногенеза древних обществ вообще, племён ИЕ общности, в частности (вторжение, миграция, исход, конвергенция, диффузия), к настоящему времени почти исчерпана. Очевидным становится понимание данного процесса, как бронуовского по своему содержанию, реализовавшего свои потенции в расселении племён и складывании этнографической карты Старого Света к середине II тыс. до н.э.¹ Аналогичные наблюдения можно распространить и на сами методы, пути и средства анализа-синтеза – интерпретации источниковой базы, равно как и на историческое объяснение названных процессов в контексте накопленных к настоящему времени фактов, что по самому принципиальному вопросу нашло своё выражение в утверждении только двух теорий происхождения ИЕ – анатolianской (неолитической) и евразийской (степной).² По образному выражению Дж. Мэллори, «поиск происхождения ИЕ подобен завораживающему эффекту яркой электромагнитной вспышки в ночном летнем небе: в особенности он очаровывает тех, кто занимается его изучением». Понятно, что предпринимается и попытка синтеза данных двух концепций, а также иные, альтернативные, поиски индоевропейской прародины, но одна тенденция является определяющей – потребность в переходе на базе достижений археологии и лингвистики на уровень исторического осмысления проблемы. Этому способствовала и разработка шкалы радиоуглеродных (калиброванных) дат, позволившая сдвинуть все без исклю-

¹ Герценберг Л.Г. Новые книги // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2007. Вып. 11. С.53; Дыбо А.В. Язык-этнос-археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., 2003. С. 65-79; Клейн Л.С. Прародина и миграции индоевропейцев, СПб., 2007. С. 47-49; Van der Linden M. The Roots of the Indo-European Diaspora: New Perspectives on the North Pontic Hypothesis // Proceedings of the 15th Annual UCLA Indo-European conference. Washington, 2004. P.138-154; Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indoeuropean World. Oxford, 2006.

² Dergachev V. Two Studies in Defence of the Migration Concept // Ancient Interactions: East and West in Eurasia. Cambridge, 2002. P. 93-112; Gray R.D., Atkinson Q.D. How old is the Indo-European family? Progress or more moths to the flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages. Cambridge, 2006. P. 91-109; Harke H. Archeologists and Migrations: A problem of attitude (and Comments and Reply) // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. Nr. 1. P. 19-45; Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: "Old Europe" as PIE Linguistic Area // Language in Prehistoric Europe. Heidelberg, 2003. P. 34-42.

чения культуры евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы в III тыс. до н.э. и даже дальше.³ Наконец, нельзя не отметить знакомство широкого круга западных археологов и лингвистов с публикациями материалов Хвальинского и Синташтинского могильников с колесницами, указавших на индоевропейский характер евразийской степной истории в эпоху энеолита-бронзы.⁴ В указанном отношении выдержавший за последние три года два издания обобщающий труд крупного американского археолога, принимавшего в том числе и непосредственное участие в раскопках разнотипных памятников эпохи бронзы на территории России, Дэвида В. Энтони, является весьма показательным.

В противовес всем имеющимся, он на основании «перекрёстного допроса» данных лингвистики и археологии предпринял попытку обоснования новой концепции - концепции складывания протоиндоевропейского языка (ПИЕ) и его диалектов в обществах носителей археологических культур степи и лесостепи Евразии между 4500-2500 гг. до н.э., которые и являлись движущей силой их распространения от «Старой (т.е. неиндоевропейской - Н.П.) Европы» до Китая.⁵

Во введении автор формулирует основы собственной позиции относительно предполагаемой прародины ИЕ и заявляет о том, что, разделяя и уточняя взгляды М. Гимбутас и Дж. Мэллори,⁶ он связывает протоиндоевропейцев (ПИЕ) данного региона с носителями доямных и ямных культур степей Восточной Европы (С. 121-132, 361-366). Что касается Анатолийской теории, связывающей выделение ИЕ с серединой VI тыс. до н.э., то она, по его мнению, противоречит распространению понятий «колеса» и «колесницы» в индоевропейских диалектах (С. 63-80). К этому Д. Энтони добавляет диаметрально противоположное точке зрения А. Парполы предположение, согласно которому на северо-востоке евразийских степей, возможно, на юге Урала, происходили длительные и регулярные контакты ИЕ общности с финно-угорскими языками уральских народов, объясняющие присутствие в них заимствованной ИЕ лексики (С. 93-97).

Основу взгляда Д. Энтони составляет доказательство представления о ПИЕ языке как материнском языке, распад которого около 3700/3400 гг. до н.э. на территории степей Евразии имел своим следствием формирование и распространение между 3400 и 2300 гг. до н.э. отдельных ветвей ИЕ языков и их носителей (С. 98-101). Первыми, по мнению исследователя, от ПИЕ общности отделились анатолийские языки, затем тохарские, а после них - кельтские (итало-кельтские) (С. 43-47). Считая вопрос сложным, тем не менее, он считает возможным в качестве очередных по счёту рассматривать языки греко-армянской ветви и, вопреки существующим представлениям о существовании греко-арийской общности, основываясь, в основном, на археологических данных, полагает, что индоиранские, балто-славянские и пра-германские языки олицетворяли некий диалектный континуум, находившийся внутри себя к тому же в постоянном контакте и единстве, но распавшийся окончательно на стадии т.н. Позднего Триполья между 2500-2300 гг. до н.э. (С. 48-49). Последние группы диалектов, как полагает Д. Энтони, локализовались ещё в понто-каспийских степях, откуда, собственно, и началась их миграция на запад и север ещё в IV тыс. до н.э. (С. 50-58).

Основными причинами распада ПИЕ языка и возникновения на его основе диалектного разнообразия дочерних лингвистических ветвей автор считает прогресс

³ Епимахов А.В., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92-102; Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен Майкопской общности и её радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 252-275.

⁴ Стефанов В.И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. 2009. № 6. С. 18-24.

⁵ Mallory D.W. Op. cit. P. 20. Последнее весьма актуально в связи с имеющимися попытками переориентации на противоположный основной вектора развития этно-лингвистических и культурных связей между земледельческим и скотоводческим населением западных и восточных областей евразийской степи. См.: Манзура И.В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. Т. 2. С. 237-295.

⁶ Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.

в экономике степного населения: возникновение стадного по форме, пастбищного по содержанию, выпаса крупного рогатого скота и овец, domestикацию лошади, изобретение колёсного транспорта, колесниц и верховой езды (ок. 3300 г. до н.э.), придавших новый, связанный с разделением земледелия и скотоводства, с зарождением общинных ремёсел, импульс динамике общественного и языкового развития, выразившегося в образовании дихотомии двух взаимодействующих хозяйственно-культурных типов (ХКТ) (С. 59-82). Особую роль Д. Энтони отводит преимуществам верховой езды, возникшей, по его мнению, на самых ранних стадиях развития пастушеско-скотоводческих обществ и обусловившей экономические, социальные и политические преимущества их представителям. Данное обстоятельство имело, как полагает исследователь, во-первых, весьма существенное значение потому, что пастух верхом на лошади может обслуживать значительное количество голов, находившегося в его собственности (или общины) скота, количество которого позволяло извлекать добавочную прибыль. Во-вторых, оно инициировало, в том числе связанную с миграциями и войнами, подвижность населения. А в-третьих, оно закладывало основы социальных взаимоотношений между племенами, развивавшихся на «взаимном договоре» как между членами общины (гость-хозяин, патрон-клиент), так и между ними, включая сюда и связь человека с божествами-покровителями. Самым же важным социально-политическим следствием указанных перемен в истории скотоводческих племён степи и лесостепи Евразии Д. Энтони называет появление престижной собственности, социальное расслоение пастушеских обществ и выделение своего рода «элиты всадников» – носителей ИЕ языка (языков), который (которые), навязанный (навязанные) автохтонному населению, стал (стали) доминантным (доминантными) не только в экономическом и социальном планах, но, благодаря данному обстоятельству, и господствующим (господствующими). Более того, он склонен связывать с пастушескими скотоводами евразийских степей зарождение основанной на распределении социальной иерархии.

Иными словами, непосредственной причиной, как возникновения, пришедшего на смену диалектам предшествующего автохтонного населения, материнского ПИЕ языка, так и его членения на отдельные ветви с последующим распространением по просторам степной Евразии, автор считает наличие «престижа социальности» у завоевателей в глазах местного населения (в работе приводятся аналогичные феномены, относящиеся и к более позднему времени) (С. 321-327).

Следует подчеркнуть, что констатация данного факта построена исследователем на совершенно определённой методологической основе. Давая оценку соотношению языка с памятниками материальной культуры, автор особо подчёркивает противоречивость, многоаспектность, многоуровневость, непосредственный и опосредованный характер данного процесса: протоэтнос, по убеждению исследователя, всегда формировался как слияние нескольких этносов и культур точно так же, как и язык соотносился с носителями нескольких археологических культур, т.е. сам этот процесс являлся полиэтничным (и полиантропологическим) по своему содержанию.

В концепции Д. Энтони важное место отведено рассмотрению миграции, которую, несколько абсолютизируя её значение и роль, он считает определяющей формой расселения ИЕ племён и объясняет её историческое содержание как строго определённую стратегию мигрирующей группы или социума, в ходе которой происходит складывание устойчивых границ их материальной культуры (С. 108-113). Без учёта миграции, по убеждению автора, «мы не поймём ИЕ проблемы вообще» - вывод, который нашёл отклик в сходном по тематике труде Л.С. Клейна.⁷

В результате скрупулёзного анализа всей совокупности данных Д. Энтони приходит к заключению, согласно которому в истории степного населения Евразии могли иметь место три, связанных с расселением потомков ПИЕ общности, потока миграции. Самым ранним из них была экспансия её диалектов на Восток. За ней по-

⁷ Клейн Л.С. Прародина и миграции индоевропейцев. СПб., 2007. С. 12.

следовала миграция на Запад. И только на заключительном этапе (ок. 2500 г. до н.э.) – на юг (в Иран и Северо-Западную Индию) (С. 340-367). Показательно, что исследование ведётся автором в контексте отождествления различных археологических культур степи и лесостепи с отдельными ветвями ИЕ языка.

В указанном отношении привлекает внимание идентификация и соотношение автором памятников абашевской и синташтинской археологических культур, а также срубной, одной из великих в оценке В.М. Массона, общностей, которые можно назвать примечательными (и представляющими интерес) с точки зрения их соотношения с памятниками, отображающими складывание и распад племён и языков греко-арийской общности на территории евразийской степи и лесостепи. С первой из них он связывает *абашевскую эру* в Уральско-Тобольском междуречье, которая имела место на стадии Позднего Абашево в период до того, как носители синташтинской культуры построили здесь свои крепости (С. 385). Именно здесь, по мнению автора, впервые становятся весьма существенными орнаментальные, олицетворяемые геометрическим меандром, мотивы абашевской керамики, производимой в Уральском регионе (С. 386. Рис. 15.7.). Только на памятниках этого региона встречаются баночные сосуды абашевского типа, которые, равно как и меандрообразный орнамент, а также металлическое оружие и дисковидные псалии, с одной стороны, отображали воздействие сибирского Абашево на Синташту, а с другой – обратный культурный импульс со стороны Синташты на Абашево (Там же.). Другой особенностью данной культуры Д. Энтони называет отсутствие захоронений животных в больших масштабах, значительное разнообразие орнаментации и металлических изделий. К этому он добавляет и наблюдение, связанное с констатацией нетипичности оборонительных сооружений для абашевских поселений в сравнении с Синташтой (С. 387). В связи с этим автор, преувеличивая место носителей синташтинской культуры в процессе этногенеза степного населения, связываемого им с индоиранцами, Д. Энтони предлагает своё видение её истоков и источников. Первым по счёту он называет Полтавкинскую культуру, которую он считает Волго-Уральским продолжением ямного горизонта. В Урало-Тобольское междуречье её носители – группы пастухов-скотоводов – двинулись между 2800-2600 гг. до н.э. Признаком, на который опирается учёный, выступает декоративный ряд полтавкинской орнаментации, присутствующий и на синташтинской посуде, единичные погребения в окружённых каменными оградами курганах и то обстоятельство, что один из полтавкинских могильников расположен в 400 м южнее будущего Аркаима. Вторым по счёту источником и истоком традиций синташтинской общности учёный называет родственную и современную ей Потаповскую археологическую культуру Средней Волги (2100-1800 гг. до н.э.) с аналогичным ритуалом и обрядом погребений, металлом, оружием, погребениями лошадей и колесничной атрибутикой, которая, в свою очередь, пришла на смену предшествовавшей Полтавкинской культуре. Третьим, одним из важнейших факторов формирования культуры Синташты, как уже отмечалось, автор рассматривает воздействие материальной и духовной культуры носителей абашевской археологической общности (С. 387). Насколько можно понять из логики рассуждений автора, симбиоз указанных компонентов определил происшедший между 2300-2000 гг. до н.э. процесс обособления локальных вариантов синташтинской культуры. Последнее вполне вписывается и в оценки Е.Е. Кузьминой, одной из первой обратившей внимание на билингвизм населения-носителей Абашевской культуры.⁸ Сам же исследователь полагает возможным относить к этому времени контакты абашевцев с носителями финно-угорских языков, что выразилось в появлении в них заимствованных слов из ИЕ словаря (С. 382). Некоторая прямолинейность трактовок зарубежного археолога, вытекающая из недостаточного знакомства с абашевскими и родственными им памятниками других территорий, по нашему мнению, связана ещё и с невниманием к тому, что формы и орнаментация сосудов отображают самые различные состояния обще-

⁸ Kuznina E.E. The origin of the Indo-Iraniens. Vol. 3 / Ed by J.P. Mallory. Leiden, 2007. P. 169-170, 222.

ства, а, следовательно, и развития диалектов той или иной языковой ветви, проявляющихся в соотношении адстрата и субстрата. Тем не менее, направление, избранное автором, следует считать весьма и весьма перспективным.

Принимая во внимание позицию автора, согласно которой археологические культуры ПИЕ были многокомпонентными и отображающими язык и культуру обрядность в большей степени, чем их этническую атрибуцию, нельзя не обратить внимания на факты, позволяющие, на наш взгляд, выделить среди них прото-греческие и прото-индоиранские признаки. В самом деле, в качестве иллюстрации своего мнения о позднем выделении языка эллинов из Анатолийской ветви, сформировавшейся, напомним, по мнению автора, в степях Евразии, Д. Энтони, после рассмотрения взаимоотношений Триполья, Майкопской и Новослободненских культур, посылавших свои импульсы в степь и лесостепь, а также роли, которую сыграли шнуровая и ямные культуры, ближе к дате распада Греко-индоиранского прадиалекта, приводит такие показатели, как засвидетельствованные для Урало-Тобольского междуречья меандрообразный орнамент и каменные оградки курганных захоронений, хранивших в себе скорченные на разных боках погребения с охрой или меловой обкладкой тел умерших в сопровождении керамики (С. 388-405). Тот факт, что аналогичные по типу сооружения характерны для Балканской Эллады начала II тыс. до н.э. (поселения Гла, Эвтресис, курганные могильники Фессалии, Эпира, Лерны и Элевсина), с учётом наблюдений Д. Энтони и принимая во внимание свидетельства античной традиции о близости языков эллинов и гипербореев, как нам представляется, позволяет усматривать в Поздней абашевской культуре Урало-Тобольского междуречья материальное воплощение мифологических представлений древних греков о местоположении их Гиперборей.

Впрочем, существует и альтернативная трактовка представленных Д. Энтони наблюдений: рассматривать абашевскую эру как пра-греко-индоиранскую археологическую общность с её вариантами (культурами), отображающей диалектное разнообразие её носителей в рамках родственного пра-языка, подтверждение чему можно усматривать в возникновении у племён абашевской общности (в особенности на Среднем Дону) знаковой протописьменности.⁹ В связи с названными аспектами, как нам представляется, нельзя также игнорировать и данных относительно планиграфии, конфигурации и архитектуры поселений евразийской степи и лесостепи (от Сев. Донца до Тобола) энеолита – бронзы вообще, Синташтинских городищ-крепостей в частности, круглые и квадратные (овальные) формы которых впоследствии присутствуют, в том числе и в Северо-Западной Индии и Северо-Западной Греции. Их, наряду с другими, можно рассматривать, как один из показателей векторов миграции племён абашевской эры из евразийской лесостепи и степи. Иными словами, приведённые Д. Энтони факты, внося дополнительную ясность, позволяют уточнить существующие к настоящему времени представления относительно этногенеза эллинов (и фрако-фригийцев), ведических ариев и древнейших иранцев.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти маркеры этничности не совсем совпадают с теми, которые действительно присущи абашевской культуре (сказалось недостаточное знакомство автора с трудами отечественных и украинских археологов), тем не менее, с учётом того, что формирование определённого единства культур абашевской общности (включая сюда и Синташту), если рассматривать её материальные компоненты в качестве отображения этапов этно- и политогенеза, они, по всей видимости, как раз и отображают характерную особенность миграционных волн её носителей на Восток, Юго-Восток и Юго-Запад: полиэтничных по своему содержа-

⁹ Захарова Е.Ю. О преемственности графических знаковых систем абашевского и срубного населения // Эпоха бронзы Дону-Донецкого региона: материалы 5-го Украинско-Российского полевого семинара. Киев-Воронеж, 2001. С. 38-40; Писаревский А.Н., Писаревский Н.П. Древнейшее письмо скотоводческих племён степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы (К интерпретации знаков на перекрестии рукояти бронзового кинжала срубной культуры) // Норция. Вып. 6-7. Воронеж, 2003 / Под ред. д.и.н. Н.П. Писаревского. С. 46-88.

нию, разнотипных по форме и темпам, включавших моменты конвергенции, дивергенции и диффузии, а также подвергавшихся воздействию «эффекта маятника». В этом смысле рассуждения автора на данную тему следует признать весьма и весьма плодотворными.

Обобщающий труд Д. Энтони содержит множество и других, ценных и плодотворных в своей совокупности идей и решений, достигнутых автором с точки зрения необходимости привязки данных лингвистики и археологии друг к другу на базе шкалы калиброванных датировок. Фундаментальность поднятых Д. Энтони проблем археологии племён ПИЕ языковой общности, тщательность и скрупулёзность анализа, осторожность, проявляемая автором при формулировке предлагаемой читателям новой и оригинальной концепции, позволяет назвать публикацию его обобщающего труда существенным вкладом в исследование проблем происхождения и истории индоевропейских племён в современной науке.

NEW FUNDAMENTAL WORK ON ORIGIN, EARLY HISTORY AND MIGRATIONS OF PROTO-INDO-EUROPEANS

N.P. PISAREVSKY

Vorohezh State University

e-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

The research of the problem of origin and dissolution of tribes of the Indo-European affinity – very acute in the contemporary science – is to reach a qualitatively new level of study due to the work by the American archaeologist D.W. Antony.

Key words: Indo-Europeans, archaeology, culture, affinity.